

RU

Драматургия Е. Г. Водолазкина в историческом и аксиологическом контексте его романистики

Бархоян А. А.

Аннотация. Цель исследования - выявление формально-содержательных особенностей драматургических произведений Е. Г. Водолазкина в контексте исторических и аксиологических доминант его эпического творчества. Необходимо определить, как в лиро-драматических произведениях сборника «Сестра четырёх» продолжают развиваться и переосмысливаются характерные для эпических произведений автора идеи о соотношении личности и истории, темы времени и смерти. Научная новизна исследования заключается в том, что сборник «Сестра четырёх» был впервые проанализирован в контексте романного творчества автора. В результате мы приходим к заключению, что в пьесах Е. Г. Водолазкина продолжает развиваться основные темы своих романов, и в частности центральную тему - тему истории, которая раскрывается через темы смерти и времени.

EN

E. G. Vodolazkin's Dramatic Works in the Historical and Axiological Context of His Novels

Barkhoyan A. A.

Abstract. The aim of the study is to identify the form- and content-related features of E. G. Vodolazkin's dramatic works in the context of the historical and axiological dominants of his epic writings. It is necessary to determine how the lyrical and dramatic works from the collection "Sister of the Four" continue to develop and reinterpret the ideas characteristic of the author's epic works about the relationship between a person and history, the themes of time and death. The study is original in that it is the first to analyse the collection "Sister of the Four" in the context of the author's novels. As a result, the researcher concludes that E. G. Vodolazkin continues to develop the main themes of his novels in his plays, in particular, the central theme, i.e. the theme of history, which is explored through the themes of death and time.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена значительным влиянием творчества Е. Г. Водолазкина на современную драматургию. Время, человек в истории, человек в небытии (в смерти) – излюбленные темы писателя. В своём творчестве он так или иначе обращается к ним, размышляя и как филолог, всю жизнь посвятивший изучению языка, который способен преодолеть смерть, и как исследователь Древней Руси, взвешивающий на далекие эпохи (на людей прошлого) и для этого отбрасывающий собственные предрассудки, а также современную мораль, и как человек, бывший свидетелем двух эпох, заново осмысливающий идеологию и законы обеих (Элькина Т. Время существует в оболочке вечности. Интервью с писателем Евгением Водолазкиным // Новости. 08.12.2017. URL: <https://topspb.tv/news/2017/12/8/vremya-sushestvuet-v-obolochke-vechnosti-intervyu-s-pisatelem-evgeniem-vodolazkinym>). Эта точка зрения отражена в его романах, из которых «вырастают» (еще не вполне оторвавшись от романного языка и романного построения сюжета) его пьесы. В предисловии к сборнику «Сестра четырёх» Водолазкин пишет: «В драматургических опытах я остаюсь прозаиком – со всеми плюсами и минусами этого положения... Герои этих текстов несут на себе родовые пятна прозы. Этот странный жанр я бы определил как пьесы для чтения» (Сестра четырёх, с. 5). Подобная оговорка фиксирует гибридность родовой природы. Водолазкину важно показать не набор индивидуальных черт, личных трудностей и радостей, не персоналию, а тип. Так, например, в пьесе «Музей» Водолазкин использует в качестве персонажей реальные исторические фигуры, однако, «речь... идет не о конкретных людях, а о человеческих типах» (Сестра четырёх, с. 5).

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить влияние романистики автора на его драматургию; во-вторых, сопоставить текст романа «Авиатор» Е. Г. Водолазкина и текст его пьес из сборника «Сестра четырёх», что позволит выявить их идейную направленность; в-третьих, определить роль языка и речи в контексте разрешения экзистенциальных проблем героями пьес.

Для осмысления идей Е. Г. Водолазкина, воплощенных в его произведениях, в статье применяются следующие методы исследования: метод сопоставительного анализа и интертекстуальный метод. С помощью мотивного анализа исследуются композиционно-речевые структуры современной драмы.

Теоретической базой послужили работы таких исследователей, как А. А. Аникст (1972), Н. Д. Тмарченко, С. Н. Бройтман, В. И. Тюпа (Теория литературы, 2004), П. А. Руднев (2018).

В качестве источников материала в исследовании использовались произведения Е. Г. Водолазкина: романы «Авиатор» (М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016) и «Лавр» (М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2016), сборник пьес «Сестра четырёх» (М.: АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2020).

Практическая значимость исследования заключается в том, что раскрываемые в статье идеи возможно использовать при создании курсов по истории новейшей русской литературы, в спецкурсах по современной драматургии. Это также может способствовать развитию плодотворного сотрудничества между филологами и историками.

Основная часть

Язык и Смерть

Е. Г. Водолазкин продолжает традиции новой драмы А. П. Чехова и М. Горького (Руднев, 2018), не примыкая, однако, к современным представителям русской «новой драмы» ни по построению сюжета, ни тематически, отказываясь от динамичного повествования, разворачивающегося от события к событию. Вместо этого событийным становится язык, который оказывается реальнее подлинных действий. Так, например, в «Музее» пишется заключение о смерти еще живого Кирова, в «Пародисте» фиктивная смерть оказывается реальнее настоящей, в «Микрополе» пустые слова аферистов заменяет реальное действие, а в «Сестре четырёх», когда приходит ложная смерть, пациенты ей верят, потому что пребывают в ожидании конца. Для утверждения себя в качестве продолжателя этой традиции, Е. Г. Водолазкин использует многочисленные отсылки к классикам «новой драмы» (в «Сестре четырёх», как и в финале «Вишнёвого сада», слышится звук топора, в этой же пьесе томик Горького помещается в коробку для пиццы, в «Музее» ружье висит над дверью, а в «Пародисте» – над камином). Его герои будто сами понимают, что живут на границе художественного вымысла, поэтому намеренно добавляют в свою речь то, что добавил бы автор. Сталин, например, учит, где убивать Кирова: «Экскурсоводы любят, чтобы – у кондитерской. Деталь – она, понимаешь...» (Руднев, 2018, с. 207). Ника из «Микрополя» внезапно начинает использовать аллитерации и в угоду этому нарушает логику:

«НИКА. От бриза смежались вежды. Брежил закат.

ХОР. Брежить не может закат, брежат обычно рассветы» (Сестра четырёх, с. 308).

Осознание персонажами себя в качестве героев художественного произведения напоминает «Шесть персонажей в поисках автора» Л. Пиранделло (М., 1960), с одной стороны, а с другой – роман «Авиатор» Е. Г. Водолазкина (Войводич, 2019).

Именно при помощи текста (дневника) Платонов, герой романа «Авиатор», вспоминает свою жизнь, вытягивает нить собственной памяти из небытия. К концу романа в дневник по его же собственной просьбе включаются записи друга, врача Гейгера, и возлюбленной Насти. Возникает множественность точек зрения, бахтинская полифония (Бахтин, 2017), которая проявляется и в пьесах Е. Г. Водолазкина. В диалогах персонажи дополняют друг друга, с готовностью ведут ту мысль, которую хотел с их помощью выразить автор:

«БУБЕНЦОВ. Я думаю. Думаю о том, что если одна и та же история повторяется дважды, то это о чем-то говорит. Первый раз все было настоящим потрясением. Драмой. А второй...

ЖЕНА. Второй – пародией. Конечно, повторения не случайны. Это как рифма: одни слова являются эхом других.

МУЖ. И жизнь – как стихотворение. Очень, по-моему, красиво» (Сестра четырёх, с. 161).

Так же как в пьесах А. П. Чехова и М. Горького, сюжет – обыденный, бытовой, состоит в основном из одного события (или, возможно, предстоящего события) и разговоров вокруг него, в пьесах Е. Г. Водолазкина бытовая коллизия – это реальная ситуация, которая переводит всю событийность в экзистенциальную сферу. Герои, как в произведениях романтиков, сталкиваются с двоемирием, иномирием, ситуацией, когда линейность их личностной истории вдруг прерывается, рискуя скатиться в небытие, вечность или просто поменять свой ход. В «Пародисте» и «Микрополе» новая жизнь, которую герои обрели благодаря лжи, рискует закончиться вместе с их физическим бытием или свободой. В «Музее» и «Сестре четырёх» неминуемость смерти заставляет героев вернуться назад и попытаться продумать для себя новый сюжет жизни, как если бы они продолжили жить после того, как испытали подобное потрясение (то же происходит и с Платоновым в «Авиаторе», причем дважды, перед «небытием» заморозки и реальной смертью). Подобное стремление к собственной конечности (пусть иногда и фиктивной) и связанное с этой конечностью потрясение можно рассмотреть с помощью понятия «экзистенции», которую возможно достичь, лишь возвысившись над всеми обстоятельствами. Именно

поэтому принятие героями Е. Г. Водолазкина собственной участи выглядит как «бунт» (тот самый «бунт», который описан в «Сизифе» или «Калигуле» Камю).

Язык и Время

Время – ключевая тема в творчестве Е. Г. Водолазкина. Настоящее время – существующее, а прошедшее – уже история. Но что, если застать несколько эпох? История становится актуальной реальностью. Внутренне человек не может ощущать, что события, свидетелем которых он был, теперь стали историей, иначе он будет чувствовать себя самого частью прошлого, отжившего, сам себя приближая к смерти, чему противится природа человека (Бочкина, Голубков, 2018). В «Авиаторе» размышления о времени становятся возможны благодаря сюжету – главный герой рождается в одной эпохе, находится в криозаморозке, в безвременье, а потом продолжает жить в другой (возлюбленная главного героя даже придумывает ироничный «термин» для этого явления – «хронотоплес» – на основе бахтинского «хронотопа» (Бахтин, 1975)). В «Лавре» автор, несмотря на отнесенность времени действия к Средневековью, размышляет о соотношении человека и его эпохи (изредка использует анахронизмы, упоминая неуместные в том времени пустые пластиковые бутылки, выглядывающие из-под снега, чтобы напомнить читателю о силе вечности, вневременности, которая доминирует над любой эпохой, и заодно о том, что романное пространство – ненастоящее, это лишь взгляд на события человека из определенной эпохи). Время для автора пронцаемо, упраздняемо (так, например, сначала молодой Лавр, вглядываясь в огонь, видит себя-старца, а потом старец видит его).

Если время относительно, то относительна и история. Однажды в интервью Е. Г. Водолазкин сказал, что «всему начало – человеческая душа. Не политический строй, не общественная организация» (Элькина Т. Время существует в оболочке вечности. Интервью с писателем Евгением Водолазкиным). История – это только рама жизни, которая не определяет душу и личность. И те события, которые впоследствии кому-то покажутся значительными, могут быть совершенно не важны для духовной жизни человека – индивидуальная история значительнее общественной (Маглий, 2016). Об этом рассуждает главный герой «Авиатора»: «Ведь это только на первый взгляд кажется, что Ватерлоо и умиротворенная беседа несравнимы, потому что Ватерлоо – это мировая история, а беседа вроде как нет. Но беседа – это событие личной истории, для которой мировая – всего лишь небольшая часть, прелюдия что ли» (Авиатор, с. 469). Те, кто обращается к прошлому, смотрят только на цепочки событий, а не на персональное духовное развитие; и мандельштамовский шум времени (Мандельштам О. Э. Сохрани мою речь: лирика разных лет. Избранная проза / сост. Б. С. Мягков. М., 1994), который образуется из «звучания» крупных и малых событий, бессердечно заглушает то, что было важным для конкретных людей. Как никто другой, это понимает Сталин («Музей»): «...жизнь там [в музее] кипит, бурлит даже. Просто это тихое бурление... Я очень хорошо представляю себе, как это происходит... Беззвучно. И что для нас важно – заранее известно, чем дело кончится: над вулканом километры воды. Вода, Мирон, – как время, её не преодолешь. Можно бурлить, извергаться, а все равно останешься на дне куском базальта. Музей – это застывшая история. История без всяких там “если бы”» (Сестра четырёх, с. 187). История, как известно, не знает сослагательного наклонения, но... уверены ли мы в её подлинности?

Герои Е. Г. Водолазкина не могут быть уверены даже в подлинности своей реальности: Киров вынужден ожидать смерти из-за сталинской выдумки, становясь музейным достоянием еще до гибели; писатель и псевдодепутат мало того что сами не являются теми, за кого себя выдают (писатель давно не пишет, а у депутата фальшивое удостоверение), так еще и встречаются с фальшивой смертью; жители Микрополя вынуждены стелать на манер античного хора из-за воровства чиновника, а пародист живет под чужим паспортом после подстроенной «аварии».

Одной из главных ценностных доминант и романного, и драматургического корпуса Е. Г. Водолазкина становится преодоление имитативной сущности мира и финалистичности человеческого пребывания в нём посредством речи. Это понимает герой «Авиатора», когда записывает то, что помнит. В пьесах сборника «Сестра четырёх» эта тема остается основной, но при переходе от прозы к драме автор находит новые возможности для её раскрытия. Как пишет сам Е. Г. Водолазкин в предисловии: «У прозаика много разных инструментов, и один из них – речь героев. У драматурга этот инструмент – единственный... Звучание речи героев в отсутствие портретов, пейзажей пронзительно, и прозаика это заставляет задуматься. Приходит неизбежное прозрение, что действительность ни портретов, ни пейзажей не описывает. Она предоставляет их в реальном виде и вообще пользуется тем, что в прозе называется прямой речью» (Сестра четырёх, с. 3). Поэтому именно речь становится для героев единственным способом преодолеть время.

Так, например, читая пьесу «Сестра четырёх» (пьесу про коронавирус, который для автора и читателя одновременно и то настоящее, которое хочется отразить, чтобы сделать его фактом прошлого, и внятная хронологическая привязка), мы понимаем, что новая болезнь меняет пространство реальности, заставляя каждого думать не о том, о чём бы он хотел, и делать не то, что делал бы в обычной, реальной жизни. Эту мысль и пытается выразить автор, когда единственной возможностью спастись от коронавируса становится словесная «эквилибристика», выдумывание истории про китайцев, виноватых в пандемии:

«ПИСАТЕЛЬ. ...подошел к реке. Есть. Подозреваю, что сунул в реку руку. Сунул ведь?

ФУНГИ. Хуже. Он вошел туда целиком.

ПИСАТЕЛЬ. Зачем?

ФУНГИ (разливает). Не знаю... Может, уронил туда что-нибудь. Например, томик Мао. Или тот же китайский зонтик. Вырвало ветром из рук и – привет!

ПИСАТЕЛЬ. Нет, скорее всего, он уронил туда драгоценную шпильку, которую нес жене. Я думаю, его жену звали Баожей, что значит «драгоценная шпилька». Так что с Сунем?» (Сестра четырёх, с. 25).

Язык для персонажей Е. Г. Водолазкина остаётся пространством свободы, которую невозможно реализовать в действительности. В этом смысле они похожи на персонажей «новой драмы», погружённых во внутреннюю «драматургию» и при этом практически полностью отказавшихся от внешней.

«Болтовня» становится способом «сбежать» от реально происходящего конфликта и в «Музее»:

«КИРОВ. А может, инфлюэнца... Так ведь не говорят уже, верно?

МАРКУС. Сейчас половина двенадцатого.

КИРОВ. Говорят – грипп. По-дурацки звучит, честное слово, а раньше красиво: инфлюэнца» (Сестра четырёх, с. 167).

В пьесах Е. Г. Водолазкина, как и в романе «Авиатор», прошлое и настоящее неравноценны, поскольку то, что становится объектом воспоминаний персонажей, всегда романтизировано (и при этом касается только личных переживаний и ощущений), а настоящее всегда с неизбежностью является «общественным» (и потому его так легко критиковать).

Словесная «эквилибристика» выходит за рамки пустой болтовни и превращается в рассуждения о языке, присущие, очевидно, больше автору, нежели его героям, по сюжету не обладающим филологической подкованностью (в «Микрополе» Ариадна говорит: «Пришло письмо от Дормидонта... Так мог сказать только он! Узнаю его слог: всё аллюзии да аллитерации, парафразы да парадоксы» (Сестра четырёх, с. 303)).

Слова, фиксирующие прошлое, становятся более реальными в тоталитарном государстве («Музей»): свидетельство о смерти пишется до самого факта смерти – рассуждения о языке становятся важнее человеческой жизни, реальность просто «подгоняется» под слово:

«КИРОВ. Натюрморт... Я ведь учил французский... Это мертвая натура, Иосиф.

СТАЛИН. А я учил немецкий. И по-немецки натюрморт – штиллебен. Штиллебен, Мирон, что значит «тихая жизнь». Красиво, правда? Молчишь... Тебе не хочется тихой жизни? Ты только представь: история остановилась. Закончилась. То есть она вроде бы существует, но уже никуда не движется. Население... Как бы это точнее выразить...

КИРОВ. Умерло?

СТАЛИН. Да не то чтобы умерло. Перешло на музейное положение, понимаешь? И окружает нас тихая жизнь. Без борьбы за власть, без съездов, без этой мышины возни, Мирон. Это такая конечная станция, за которой больше нет путей. Нет ни целей, ни желаний, ведь все уже достигнуто. И мы погружаемся в социализм. И нет ничего, кроме него. Потому что социализм – это советская власть плюс музеефикация всей страны» (Сестра четырёх, с. 216).

Сталин формулирует идею усталости человечества от истории, однако он не способен осознать ценность частной жизни и вечности в христианском представлении – для него не может быть альтернативной истории, поэтому она становится небытием – музеем.

Иронически этот мотив обыгрывается в пьесе «Пародист», где главный герой обсуждает свою мнимую смерть с теми, кто на него покушался, и неожиданно её находит. В «Авиаторе» люди новой эпохи ждут от главного героя, свидетеля прошлого, именно слов – слов о важных событиях, перевернувших жизнь страны, но дожидаться не могут. Глобальная история, история страны для человека – не более чем пронизывающая его жизнь нить, но только одна нить, не составляющая основу его воспоминаний. Самым ценным для человека как носителя памяти становятся звуки и запахи – мелочи, детали, образующие его частную историю.

Заключение

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. В пьесах Е. Г. Водолазкина продолжает развиваться основные темы своих романов – соотношения личности и истории, времени, смерти и её преодоления. Драматург видит две ценностные величины – историю и личность, поэтому вторую он вписывает, словно в раму, в исторический контекст, так как именно личность творит историю, а не наоборот. Ценностными доминантами, таким образом, являются подлинность бытия, время, личность, не менее важным становится язык, он помогает преодолеть конечность существования человека, поэтому филология как наука о языке в творчестве Е. Г. Водолазкина торжествует над историей и даже над литературой. Речевое пространство становится и местом действия, и местом, которое позволяет герою ощутить собственную свободу.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы мы видим в более детальном изучении основных аспектов современной драматургии, в рассмотрении творчества Е. Г. Водолазкина в динамике. Необходимо в полной мере оценить содержательную преемственность разножанровых произведений автора, выявить, что изменяется в его текстах со временем, проследить трансформацию мировоззрения писателя, определить новые смысловые акценты в новой для автора форме, отразившей мир современного человека.

Источники | References

1. Аникст А. А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М.: Наука, 1972.
2. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Эксмо, 2017.

3. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике. 1975. URL: <http://www.infolib.info/philol/bahtin/hronotop1.html>
4. Бочкина М. В., Голубков М. М. Понятия «исторического» и «неисторического» в эстетической и философской системе романа «Авиатор» Е. Водолазкина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Литературоведение. Журналистика». 2018. Т. 23. № 2.
5. Войводич Я. Начало и конец индивидуальной истории («Авиатор» Е. Водолазкина) // Новое литературное обозрение. 2019. № 5.
6. Маглий А. Д. Времени нет. Евгений Водолазкин // Вопросы литературы. 2016. № 2.
7. Руднев П. А. Драма памяти. Очерки истории российской драматургии. 1950-2010-е. М.: НЛО, 2018.
8. Теория литературы: в 2-х т. / под ред. Н. Д. Тмарченко, С. Н. Бройтмана, В. И. Тюпы. М.: Академия, 2004. Т. 1.

Информация об авторах | Author information

RU**Бархоян Алвард Артаковна¹**¹ Кубанский государственный университет, г. Краснодар**EN****Barkhoyan Alvard Artakovna¹**¹ Kuban State University, Krasnodar¹ allvard2322@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 23.07.2022; опубликовано (published): 10.10.2022.

Ключевые слова (keywords): время; история; Е. Г. Водолазкин; сборник «Сестра четырёх»; роман «Авиатор»; time; history; E. G. Vodolazkin; collection “Sister of the Four”; novel “The Aviator”.